

НОМЕНКЛАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (К ДИСКУССИИ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»)

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Полемический стиль статьи обусловлен появлением в социологической литературе идей, подчеркивающих непреходящий характер существования номенклатуры как класса, присущего как советскому, так и современному российскому государству. Не менее спорны идеи, которые сводят функцию номенклатуры исключительно к определенному механизму выдвижения кадров, основанному на повышенной ответственности партийных организаций за проводимую хозяйственными органами идеологическую и хозяйственную политику. Предлагается социологическое и культурно-историческое объяснение природы и сущности номенклатуры как социального института, а также как социальной группы, присущей исключительно советскому государству. Подчеркиваются конкретно-исторический характер данного феномена, его обусловленность специфическими идейными, экономическими, политическими и социальными условиями в период становления и формирования советского государства. Раскрывается основная функция номенклатуры как социального института, основными целями которого были внедрение и развитие новой системы взаимоотношений, принципов и идеалов марксизма, воплощенных в советском проекте. Утверждается, что данная цель достигалась посредством решения двух основных задач: всемерного развития производительных сил, что реализовывалось через организацию плановой экономической системы и мобилизационного принципа экономического строительства; сохранения принципов взаимодействия, идеалов и ценностей коммунистических представлений не только как должного, но и, по возможности, как сущего. Эти задачи решались посредством идеологической монополии, в основе которой лежали определенная интерпретация марксизма и построенная на ней система агитации и пропаганды. Подчеркиваются успехи номенклатуры в достижении указанной цели. Отмечается, что статья не является апологетикой советской номенклатуры, так как в ней показаны причины не только взлета, но и падения этой властно-управленческой структуры советского общества. Доказывается непреходящий характер существования номенклатуры как социального института, что обусловлено спецификой советской державы. Утверждается, что в новом российском государстве, построенном на совершенно иных экономических и идеологических принципах, необходимость в таком социальном институте отпала.

Ключевые слова: номенклатура; советское общество; властно-управленческая структура; идеология; социальный институт; социальная группа; модернизация; социальные процессы; плановое хозяйство; советская экономика.

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Номенклатура как социальный институт советского общества (к дискуссии в журнале «Социологические исследования»). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:47–54. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-47-54>

For citation:

Smirnov VE. Nomenclature as a social institution of Soviet society (to the discussion in the journal «Sotsiologicheskie issledovaniya»). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:47–54. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-47-54>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher. smirnoffv67@gmail.com

NOMENCLATURE AS A SOCIAL INSTITUTION OF SOVIET SOCIETY (TO THE DISCUSSION IN THE JOURNAL «SOTSIOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIYA»)

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The polemical style of the article is due to the appearance in the sociological literature of ideas that emphasise the enduring nature of the existence of the nomenclature as a class, inherent in both the Soviet and modern Russian state. Also, no less controversial are the ideas that reduce the function of the nomenclature exclusively to a certain mechanism for the nomination of cadres, based on the increased responsibility of party organisations for the ideological and economic policies carried out by economic bodies. The article offers a sociological and cultural-historical explanation of the nature and essence of the nomenclature as a social institution and social group inherent exclusively in the Soviet state. The author emphasises the concrete-historical nature of this phenomenon, conditioned by the specific ideological, economic, political and social conditions of the Soviet state at the dawn of its formation and formation. The article reveals the main function of the nomenclature as a social institution, the main purpose of which was to implement and develop a new system of relations, principles and ideals of Marxism, embodied in the Soviet project. It is argued that the implementation of this goal was carried out by solving two main tasks: first, the comprehensive development of the productive forces, which was realised through the organisation of a planned economic system and the mobilisation principle of economic construction. Secondly, the preservation of the principles of interaction, the ideals and values of communist ideas, not only as a matter of course, but also, if possible, as a matter of fact. This was carried out through an ideological monopoly, which was based on a certain interpretation of Marxism and a system of agitation and propaganda built on it. The success of the nomenclature in solving these problems is emphasised. However, the article is not an apologetics of the Soviet nomenclature, since it shows the reasons for not only the «rise», but also the «fall» of the nomenclature as a power-management structure of the Soviet society. The main conclusion of the idea presented in the article is to prove the transitory nature of the existence of the nomenclature as a social institution, due to the specific economic, ideological, political and social conditions of the Soviet state, with the fall of which such a social group as nomenclature also went into oblivion. It is argued that in the new Russian state, built on completely different economic and ideological principles, the need for such a social institution has disappeared.

Keywords: nomenclature; Soviet society; power and management structure; ideology; social institution; social group; modernisation; social processes; planned economy; Soviet economics.

Некоторые проблемы, касающиеся истории советского государства, в частности социальной структуры и социальных механизмов развития общества, до сих пор обсуждаются с высоким эмоциональным накалом. С одной стороны, это говорит о непреходящей актуальности и проблемности названной области общественнознания. С другой стороны, это показывает, что идеологически обусловленное волнение участников дискуссии часто мешает объективному и спокойному анализу явлений советской истории, в частности институтов и механизмов их деятельности.

В данном смысле именно идеологическая ангажированность многих последних статей на эту тему заставила нас обратить внимание на проблему советской номенклатуры, дискуссия по поводу которой развернулась на страницах журнала «Социологические исследования» [1; 2]. Авторы статей обсуждают сущность феномена номенклатуры, а также его роль в истории страны. Например, Ю. А. Нисневич предложил подход, в рамках которого события новейшей истории России (в частности, так называемой эры Путина) рассматриваются как восстановление господства номенклатуры в новом виде [1]. При этом сам феномен номенклатуры, которая появилась вскоре после Октябрьской революции как фактор государственного строительства СССР, трактуется автором сугубо негативно.

Вслед за известными теориями С. М. Восленского [3] и М. Джиласа [4] Ю. А. Нисневич определяет номенклатуру как господствующий класс советского общества.

С ним не согласен А. В. Новокрещёнов [2]. Номенклатура, согласно его взглядам, была не более чем определенным механизмом выдвижения кадров, основанным на повышенной ответственности партийных организаций за проводимую хозяйственными органами идеологическую и хозяйственную политику, причем весьма эффективным механизмом. Соответственно, автор утверждает, что номенклатура не была классом.

Нам представляется, что к вопросу о сущности советской номенклатуры в рамках социологического знания необходимо подойти в первую очередь с точки зрения ее генезиса и функций в различные периоды развития советского общества. Советская эпоха вела свой счет с Октябрьской революции, которая имела фундаментальный характер и привела к смене доминирующего типа социальных отношений в стране. Однако понятно, что сам новый тип социальных взаимосвязей должен был зародиться гораздо раньше. Поэтому возникает вопрос: как это произошло и что в русской истории этому поспособствовало? Мы обращаем внимание на данный вопрос потому, что он прямо связан с появлением

номенклатуры как социального института и специфической социальной группы определенного периода истории.

В этом плане нельзя не упомянуть особую социально-культурную ситуацию в России в конце XIX – начале XX в. Речь идет о специфическом феномене – русской интеллигенции, которая формировалась в основном как служилая, была формально или неформально на службе у государства и, в отличие от интеллигенции европейских стран, не отражала интересы буржуазии, не связывала себя с нею, не формировалась вместе с нею в процессе развития буржуазных отношений. Русский интеллигент не рождался как джентльмен, т. е. как мелкий помещик, занимавшийся буржуазной деятельностью. Он не рождался и как приказчик этого джентльмена, его юрист, бухгалтер или газетчик, состоящий на содержании разбогатевшего джентльмена. Русский интеллигент не рождался в ткани буржуазного общества. Он был создан как бы сверху, волюнтаристски, чтобы осуществлять более-менее современное государственное управление на базе архаичной производственной системы страны [5, с. 84–85].

Конечно, русская интеллигенция вышла не только из чиновников. Все современные институты русского общества – медицинские, научные учреждения, университеты, академии, театры, предприятия – организовывались и финансировались государством, и деятели этих подсистем были подобны чиновникам. Нужно учитывать, что тогда система чинов охватывала все общество. И хотя в конце XIX в. в Россию бурно вторгся капитализм и появился социальный слой тех, кто трудился в сфере частного капитала, интеллигенция стала значимой силой довольно поздно. Групповое (или в широком смысле – классовое) сознание русской интеллигенции формировалось в отношениях с государством, причем получаемые материальные блага в виде жалованья не ассоциировались с реальной жизнью, не были достаточно очевидно связаны с большей или меньшей эксплуатацией населения. В связи с этим идеи господства, конкурентной этики и социал-дарвинизма, характерные для мировоззрения формирующейся социальной группы, буржуазии, не нашли места в мировоззрении интеллигенции. Именно здесь лежит то духовно-практическое основание, на котором вырастал обсуждаемый нами локус новых форм взаимодействия и отношений, включавший в себя идеалы служения обществу и народу, неконкурентного отношения между людьми, утратившего отсутствия меркантильности, даже непрактичности как «милый» черты, и утверждение идеального как единственно достойного побудительного мотива деятельности. При этом присутствовало ощущение несвободы со стороны государства с перманентной фрондой по отношению к нему (ведь фактически именно государство, у которого прямо или опосре-

дованно находились на службе эти граждане, могло осуществлять и осуществляло по отношению к ним тотальный диктат). Соответственно, актуальной стала апологетика внутренних мотивов и ограничителей деятельности в противовес внешнему принуждению.

Понятно, что такая интеллигенция была, словами классика, слишком далека от народа. Вернее, народ (пока это была почти исключительно крестьянская масса) был слишком далек от интеллигенции. Только когда в России появился, пускай и в относительно небольшом количестве, пролетариат, причем потомственный, ему и интеллигенции удалось найти друг друга на базе новых для России марксистских идей. Так постепенно зародился и получил развитие локус новой системы взаимоотношений, который впоследствии развернулся в советский проект.

Что такое локус в данном понимании? Это место, некая обособленная точка, узел связей, область, обладающая особыми качествами. Если перефразировать известное определение локуса из биологии, то это местоположение гена новых социальных взаимоотношений в определенном социальном пространстве. Его особенность заключалась в способах взаимодействий между представителями общности и вместе с этим в появлении ценностей и идеалов, обосновывающих эти новые способы взаимодействий. Сам локус был артикулирован на языке марксизма.

Как исторический пример можно привести наличие подобного локуса в поздней Античности (мы имеем в виду христианский локус как другую систему социальных взаимодействий нового типа и, соответственно, ценностей идеалов и целей деятельности) или протобуржуазного локуса в позднефеодальном мире. Более подробно о рождении этого локуса и советского общества в его основаниях излагается в работе [5].

Фундаментальной причиной появления и существования номенклатуры был тот факт, что в общественном производстве, если использовать марксистскую терминологию, в первой половине XX в. все еще господствовал простой совместный труд. Такому типу труда необходимы были внешняя организация и управление. В классическом буржуазном обществе таким организатором и управленцем являлся капиталист, а институтом, который позволял капиталисту организовывать труд и управлять им, – институт частной собственности. В советском обществе, пока и поскольку в нем господствовал простой совместный труд, должен был существовать и труд по управлению, т. е. должно было функционировать «начальство». А вот конкретная его форма зависела от исторической ситуации в стране в первые десятилетия советской власти.

Новый локус необходимо было развернуть в суперсистему – в этом состояла цель его представителей,

победивших в гражданской войне. Перед разворачивающейся суперсистемой и ее персональными представителями встала задача, которая заключалась в решительном «подстегивании» социально-экономических изменений в стране, интенсивном развитии производительных сил. Необходимо было поднять материальную основу общества до уровня, обеспечивающего естественное воспроизводство социальных отношений, адекватных отношениям, сложившимся в рамках описываемого нами локуса. Именно тогда в СССР начал складываться особый тип власти, выполнявший две основных задачи: всемерное развитие производительных сил, что реализовывалось через организацию плановой экономической системы и мобилизационный принцип экономического строительства; сохранение принципов взаимодействия, идеалов и ценностей коммунистически ориентированного локуса не только как должного, но и, по возможности, как сущего. Решение этих задач осуществлялось посредством идеологической монополии, а идеологией стали определенная интерпретация марксизма и построенная на ней система агитации и пропаганды. Эти две задачи были в значительной степени переплетены, что и обусловило в недалеком будущем рождение номенклатурной системы, в рамках которой происходило не только фактическое, но и формальное сращивание названных функций (речь идет о деятельности хозяйственных и партийных органов).

Тогда и был создан механизм в виде номенклатуры, в рамках которого работа на определенных должностях требовала согласования с высшими партийными органами. При этом трудно согласиться с мнением А. В. Новокрещёнова о том, что номенклатура – это исключительно технический механизм. Любая форма рекрутирования и продвижения претендентов на должностное восхождение в рамках любых институтов (в первую очередь связанных с властью) формирует особую социальную группу с определенными качествами, идеалами, ценностями и нормами поведения, формальными и неформальными. Причем она состоит не только из тех, кто добрался до самой вершины, но и из всей совокупности претендентов, начавших и осуществляющих это восхождение. Возможность и успешность этого восхождения прямо связаны с социализацией в рамках данного института, пониманием его формальных и неформальных норм и правил, готовностью им следовать. Также необходимо отметить, что данную систему истово защищают те, кто уже занял высокостатусные позиции в рамках института, ибо их социальное положение обосновывается легитимностью системы. В существенной степени этим достигается устойчивость подобных институтов. Таким образом, необходимо признать, что номенклатура – это не только механизм и не только социальный институт, но и сложившаяся социаль-

ная группа, численность которой куда больше, чем просто совокупное количество номенклатурных должностей.

Но вернемся к генезису номенклатуры. Нужно учитывать, что крайний дефицит образованных кадров в тот период вынудил новую власть использовать старых специалистов. Проблема состояла в том, что эти старые специалисты были воспитаны и социализированы в рамках традиционной для досоветского российского общества системы институтов и, соответственно, социальных взаимодействий. И даже при самом искреннем приятии новой власти их решения, реакции в той или иной ситуации не только не устраивали новое общество, но часто и несли опасность для него. Даже старые марксисты, деятели революционного движения, воспитанные и социализированные в обществе Российской империи с его сословно-буржуазным характером, нередко поддавались влиянию осуществляемого старыми специалистами прагматизма.

Сегодня в суждениях о поведении многих деятелей 1930-гг. стало общепринятым подчеркивать отсутствие прагматизма в идейно-мотивированных или просто отрицательно оцениваемых ими действиях, не учитывая того, что прагматизм имеет исторический характер. Очевидно, что прагматизм во времена Античности решительно отличается от прагматизма феодальной эпохи, прагматизма эпохи возрождения или буржуазного прагматизма, даже если само понятие и его теоретическое обоснование в эти периоды отсутствовали. Реалии российского общества также имеют свои критерии прагматизма, но оценивать с их точки зрения поведение людей других эпох и обществ, в том числе и советского довоенного времени, по меньшей мере ненаучно.

В этом контексте нужно понимать, почему необходимо было контролировать старых специалистов, в частности их действия и решения, с точки зрения классово правильных реакций и представлений, идеалов и ценностей. С этим также был связан феномен «выдвиженчества», в рамках которого на высокие управленческие должности выдвигались представители пролетариата, благодаря «классовому чутью» которых можно было, по замыслу организаторов, контролировать и поправлять старорежимных специалистов в их деятельности. Насколько успешной была такая практика, отдельный вопрос, требующий специального, причем глубокого исторического, анализа. Но в любом случае замысел вполне объясним.

Другая проблема была связана с решительной малочисленностью грамотных людей в России, причем людей, разделявших марксистские взгляды. Сама теория, строгое следование которой, по мнению коммунистического руководства, было залогом успеха социалистического строительства, подвергалась опасности извращения со стороны

архаического большинства населения страны. Не только марксистская образованная интеллигенция, но и потомственный пролетариат (и так немногочисленный и изрядно поредевший в годы гражданской войны, так как поставлял кадры для вновь создаваемых организационных структур в любых сферах деятельности) замещались в основном выходцами из села. За десятилетия индустриализации этот процесс усилился и парадоксальным образом «сознательность» пролетариата в довоенное время, по сравнению с дореволюционным, скорее снизилась, чем повысилась.

Руководство коммунистической партии вполне осознавало угрозу распада и извращения марксистской теории. Потому второй задачей формирующейся номенклатуры стал контроль над идеологией, соблюдение ее верной (единственно верной) трактовки. Отсюда – и определенная догматизация марксизма, и создание пресловутого учебника по истории ВКП(б)¹ [6]. В этом контексте можно понять, почему идеологическая борьба в СССР сопровождалась, особенно в довоенные времена, жестокими репрессиями в отношении противников. Если идеологический контроль был ресурсом власти, то и покушение на право определять единственно верную трактовку было покушением на властный ресурс, властные права и прерогативы. А конфликты по поводу власти в любой общественной системе отличаются особой жестокостью.

Итак, номенклатура создавалась и эволюционировала, выполняя две функции – контроль над хозяйственными решениями и идеологический контроль. Эти два направления и стали властными ресурсами, обеспечившими номенклатуре ее господствующее положение. И тут вряд ли уместны эмоциональные претензии Ю. А. Нисневича в отношении номенклатуры как некой общности, в корне пораженной кронизмом, другими формами фаворитизма, непрофессионализмом и всеми иными грехами. Скорее можно согласиться с позицией А. В. Новокрещёнова, согласно которой особенности института номенклатуры, ответственность высших представителей за деятельность рекомендованных назначенцев, если и не спасали полностью от предъявляемых недостатков, то существенно сдерживали их усугубление.

Успехи индустриализации и хозяйственного строительства, победа в жесточайшей войне, потребовавшей максимальной мобилизации и напряжения всех сил общества и государственной системы, послевоенное восстановление продемонстрировали высокое качество государственного управления в целом и номенклатуры в частности. Рассуждения

Ю. А. Нисневича об онтологических свойствах номенклатуры не выдерживают критики в первую очередь из-за терминологической неразберихи. Если мы говорим об онтологических свойствах, то мы должны изучать фактическое положение вещей в тот или иной момент времени. Мы должны ответить на вопросы касательно социального происхождения номенклатуры (не была ли она скрытым сословием), образования, жизненного пути и, что самое важное, трудовой деятельности. Такие исследования проводились О. В. Гаман-Голутвиной [7], О. В. Крыштановской [8], Т. П. Коржихиной [9], П. В. Смолянским², Н. В. Работяжевым [10] и др. Уровень образования представителей номенклатуры довольно строго коррелировался с уровнем образования в СССР [11]. Таким образом, советская номенклатура не демонстрировала сословных черт и плоть от плоти принадлежала советскому обществу.

Другой фундаментальной ошибкой является опора на теории М. Джиласа и М. С. Восленского, в которых номенклатура квалифицируется как эксплуататорский класс советского общества. Такое суждение зиждется на непонимании марксистских политэкономических представлений о сущности эксплуатации. В рамках марксистской теории эксплуатация – это политэкономическая категория, которая прямо связана с другими категориями, обусловлена ими и обуславливает их. Как замечал на этот счет А. В. Чаянов, «экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущие им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению» [12, с. 117]. В рамках советской экономической системы нельзя говорить о цене рабочей силы: в ситуации законодательно (и фактически) гарантированного права на труд не было рынка труда. Не было кредитного процента (этот процент устанавливался совершенно директивно в зависимости от экономических нужд), не было многого другого. Соответственно, не было капиталистической эксплуатации. Политэкономического анализа какой-либо другой (советской, как они полагали) формы эксплуатации ни М. Джилас, ни М. С. Восленский не проводили. Это понятие использовали не иначе как политический ярлык.

¹Впервые опубликован в 1938 г. В современной литературе представителями критического по отношению к СССР направления часто трактуется как пример догматизма в советской версии марксизма.

²Смолянский П. В. Особенности становления политической элиты современной России: историко-политологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 09.00.10. М., 1995. С. 20–21.

Впрочем, можно назвать еще одно качество эксплуатации. Ее целью является частное присвоение, т. е. продукция общественного производства присваивается в частных интересах собственника средств производства. И дело даже не в потреблении, а в использовании в интересах собственника. Например, производимый общественный продукт используется для конкуренции представителей господствующего класса, более того, в рамках этой конкуренции растрачивается и уничтожается значительная часть общественного продукта. Частный способ присвоения как раз и имеет следствием ту анархию капиталистического производства, о которой неоднократно писал К. Маркс. Только в ситуации частного присвоения можно говорить об эксплуатации. Но можно ли говорить о частном присвоении членами номенклатуры? Конечно, нет. Попытки выдумать какого-то коллективного эксплуататора в этом контексте есть оксюморон, не имеют смысла и демонстрируют элементарное непонимание основных политэкономических категорий.

Все сказанное не означает, что данная статья посвящена апологии номенклатуры. Мы всего лишь замечаем, что в определенную эпоху номенклатура (в широком смысле слова) вовсе не была каким-то паразитом-эксплуататором, играющим исключительно отрицательную роль в управлении государством. Номенклатура была социальным институтом, который выполнял, причем достаточно успешно, важные социальные функции. Специфика этих функций была предопределена экономическим, социальным и культурным состоянием Советской России в годы становления. Данная социальная группа состояла из людей, осуществлявших свою деятельность в рамках названного института. В этом плане нельзя не согласиться с приведенными А. В. Новокрещеновым словами Г. Х. Попова о том, что большую часть истории основными качествами представителей этой группы являлись «правдивость, высочайшая культура в работе, технологическая грамотность, четкость в каждой мелочи» [2, с. 133].

Именно поэтому и встает вопрос: почему данный институт со временем стал мощнейшим раздражителем для советского общества? Ведь очевидно, претензии к поистине ничтожным привилегиям и смешной в сравнении с современными элитами (что отечественными, что зарубежными) присваиваемой доле общественного продукта были поводом, а не причиной. И почему этот институт не только не сохранил себя, но и его крах сыграл решающую роль в гибели СССР?

Взгляды Ю. А. Нисневича, состоящие в том, что номенклатура с самого начала была отвратительным паразитом-эксплуататором, давно непопулярны. Чаще стали писать о вырождении номенклатуры. Впрочем, уже М. С. Восленский рассуждал об этом. Многие авторы, например С. Магарил [13], А. И. Кравченко [14], Ю. В. Фаненко [15], разделяют такую позицию. Однако причины вырождения номенклатуры не очень понятны. Тем более что прошли вовсе не века – история СССР длилась всего 70 лет.

Мы полагаем, дело было в ином. Изменения в деятельности номенклатуры, нормах и идеалах, лежащих в ее основании, были лишь следствием, ответом на преобразование самого общества. Причем эти изменения коснулись обоих столпов, на которых держались господство и номенклатура. Как уже было сказано, это контроль над хозяйственными решениями и идеологией.

Но если советская номенклатура зарождалась в архаичном обществе, на 90 % состоявшем из крестьян, то уже к 1950-м гг. социум решительно изменился. В жизнь вступали поколения уже с совершенно другим менталитетом (если можно использовать этот расплывчатый термин). Это уже были дети индустриального, урбанизированного общества, получившие весьма неплохое образование. Люди не только с высшим, но и со средним образованием уже не нуждались в подобного рода «жрецах» и «отцах народа» для изучения и понимания марксизма и всей совокупности идей, господствующих в ту эпоху в советском обществе. Собственно говоря, оттепель 1960-х гг. основывалась именно на активности этих новых поколений, желание которых реализовать себя в сфере идей номенклатура восприняла как покушение на основной ресурс своей власти.

Ее ответ был совершенно тривиален и обычен для господствующих групп, чувствующих угрозу своему положению. Историческим примером тому может служить теория официальной народности³. Это так называемое «подмораживание», которое заключается в отрицании изменений с опорой на традиционные ценности и использование общественных идеалов, святынь и ценностей для их защиты. Проблема такой стратегии заключается в том, что эти самые святыни и идеалы от такого использования ветшают и все более теряют свою действенность в обществе, что в свое время случилось в Российской империи, а затем в СССР.

Несколько позже появилась угроза второму основному ресурсу власти номенклатуры – контролю над

³Теория официальной народности – принятое в литературе обозначение государственной идеологии Российской империи в период царствования Николая I. Основные принципы были изложены С. С. Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в его докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» (19 ноября 1833 г.). Основными принципами идеологии стали православие, самодержавие, народность. Идеология имела крайне консервативный характер.

хозяйственными решениями. В СССР назревала необходимость реформирования народно-хозяйственной системы, и оба направления возможной реформы снижали, а в конечном счете и ликвидировали номенклатурный контроль за хозяйственными решениями⁴. Один из вариантов этого реформирования, косыгинский (или либермановский), повышал значение директоров предприятий, лишая номенклатурных руководителей существенной доли влияния. А другой вариант, нереализованный, связанный с идеями А. И. Китова и В. М. Глушкова о создании ЕГСВЦ и ОГАС, передавал львиную долю хозяйственного влияния новым общегосударственным органам планирования на базе развития информационных технологий, в частности, автоматизированных систем управления.

Как бы развивалась история СССР в случае, если бы второе направление реформирования было реализовано, мы можем только гадать. Но перипетии, связанные с решением о принятии этой системы, довольно подробно описаны⁵ [16], и очевидно, отказ от ее внедрения был связан вовсе не с относительной дороговизной (это скорее анекдот), а с противодействием определенных влиятельных групп партийно-хозяйственной номенклатуры. Во многом по тем же причинам была свернута и косыгинская (либермановская) реформа. Ее оценивают по-разному, в том числе и как неудачную. Однако в сворачивании этой реформы сопротивление групп номенклатуры, не желавших уступать контроль над ресурсами, сыграло немаловажную роль [17].

Таким образом, примерно с 1960-х гг. существование номенклатуры как института вступило в противоречие с дальнейшим развитием советского общества, а интересы номенклатуры как социальной группы разошлись с интересами социума. Номенклатура блокировала любые инновации как в сфере организации материального производства, так и в сфере идейного развития. Причем это происходило и ощущалось не только на уровне государственных решений, но и на уровне повседневной жизни. Как уже было сказано, номенклатура, сделав опорой своего консерватизма и сопротивления

любым изменениям святыни и идеалы советского общества, в конечном счете их разрушила, лишила действенной силы. И, естественно, как система рухнула.

Сама номенклатура вовсе не утратила профессионализма, высоких организационных навыков, а применила эти качества в соответствии с интересами своей социальной группы. В этом плане не удивительно, что представители советской номенклатуры оказались в первых рядах претендентов на власть и собственность в Российской Федерации и других постсоветских обществах.

Теперь же имеет смысл вернуться к вопросу, являлась ли номенклатура классом. Вряд ли. Как известно, К. Маркс употреблял понятие «класс» в разных значениях. При этом знаменательно, что его работа «Капитал» была окончена на главе, где автор собирался дать определение этого понятия, но не успел. Но одно свойство классов в марксизме очевидно: они существуют парами, имеющими антагонистическую природу. В процессе создания номенклатуры не находилась в таком антагонизме ни с рабочим классом, ни с крестьянством. Другое дело, что на закате своего существования ее интересы вступили в конфликт с интересами общества и номенклатура, как социальная группа, стала проявлять классовые, т. е. присущие классам, реакции.

Говорить же о возрождении номенклатуры в современной России считаем совершенно бессмысленным занятием, ибо этот социальный институт был продуктом крайне специфической ситуации в советском обществе в эпоху его становления. Сегодня нет господствующей модернизационной идеологии, в те годы выступавшей в виде марксизма, чистоту которого необходимо было блюсти, да и экономика не является плановой и общенародной, поэтому совершенно непонятно, о каком контроле над какими хозяйственными решениями можно говорить. Номенклатура могла возникнуть и возникла в исключительно специфической ситуации и в специфическом обществе, которые вряд ли когда-нибудь повторятся.

⁴Речь идет о всесоюзной экономической дискуссии 1962–1964 гг. и реформе А. Н. Косыгина 1965–1970 гг. Впервые основные идеи реформы были обнародованы в статье профессора Харьковского государственного университета Е. Г. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» и его докладе «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий», направленном в ЦК КПСС (Либерман Е. План, прибыль, премия [Электронный ресурс] // Ист.-эконом. исслед. 2016. Т. 17. № 3. С. 420–432. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plan-pribyl-premiya> (дата обращения: 22.05.2021). Предложению Е. Г. Либермана оппонировали взгляды академика В. М. Глушкова (Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М. : «Статистика», 1975. 160 с. ; Китов А. И. Электронные цифровые машины. М. : Советское радио, 1956. 358 с.). Суть проекта Е. Г. Либермана заключалась во внедрении и укреплении элементов частнособственнических отношений, а именно в материальной заинтересованности субъектов хозяйствования, их самостоятельности в распоряжении фондами и т. п. Проект В. М. Глушкова (и других, в том числе пионера советской информатики А. И. Китова) предлагал преодолевать проблему планирования усложняющейся экономики за счет технических средств, а именно создания единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ) и на ее основе – Общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС).

⁵Кутейников А. В. Проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960 – 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2011. 25 с.

Библиографические ссылки

1. Нисневич ЮА. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России. *Социологические исследования*. 2018;8:143–152. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
2. Новокрещёнов АВ. Номенклатура как кадровая технология и механизм государственного управления (по поводу статьи Ю. А. Нисневича). *Социологические исследования*. 2020;1:132–137. DOI: 10.31857/S0132162500008331-7.
3. Восленский М. *Номенклатура*. Москва: Захаров; 2005. 640 с.
4. Джилас М. *Новый класс*. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер; 1961. 246 с.
5. Смирнов ВЭ. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция. Минск: Беларуская навука; 2016. 293 с.
6. *История ВКП(б)*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1944. 354 с.
7. Гаман-Голутвина ОВ. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН; 2006. 446 с.
8. Крыштановская ОВ. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. *Общественные науки и современность*. 1995;1:51–65.
9. Коржихина ТП. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*. 1993;7:25–38.
10. Работяжев НВ. Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России. В: Мельвиль АЮ, редактор. *Проблемы политической трансформации и модернизации России*. Москва: Московский общественный научный фонд; 2001. с. 18–47.
11. Вашук АС. Изучение образовательного уровня советской номенклатурной элиты как инструмент анализа социальной трансформации общества во второй половине XX века. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018;10(1):79–91. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-79-91.
12. Чаянов АВ. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства. В: Чаянов АВ. *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. Москва: Экономика; 1989. с. 114–143.
13. Магарил С. Российский правящий класс: механизмы вырождения. *Общая тетрадь*. 2011;2:27–34.
14. Кравченко ВИ. *Социология*. Санкт-Петербург: ГУАП; 2001. 104 с.
15. Фененко ЮВ. *Введение в социологию*. Москва: Волгоград; 2003. 163 с.
16. Малиновский БН. *История вычислительной техники в лицах*. Киев: Фирма «КИТ»; 1995. 384 с. Совместно с издательством «ПТОО «А. С. К.»».
17. Павлов В. Поражение. Почему захлебнулась косыгинская реформа. *Родина*. 1995;11:68–70.

References

1. Nisntvich YuA. Regeneration of the nomenclature as the ruling social stratum in post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;8:143–152. Russian. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
2. Novokreschenov AV. Nomenclature as personnel technology and mechanism of public administration (regarding the article by Yu. A. Nisnevich). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;1:132–137. Russian. DOI: 10.31857/S0132162500008331-7.
3. Voslenskii M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov; 2005. 640 p. Russian.
4. Djilas M. *The new class: an analysis of the communist system*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 214 p. Russian edition: Djilas M. *Novyi klass*. New York: Frederick A. Praeger; 1961. 246 p.
5. Smirnov VE. *Sotsial'nye mekhanizmy obshchestvennogo razvitiya: sotsiologicheskaya i istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya* [Social mechanisms of social development: sociological and historical-cultural reconstruction]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. 293 p. Russian.
6. *Istoriya VKP(b)* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1944. 354 p. Russian.
7. Gaman-Golutvina OV. *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Russia's political elites: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN; 2006. 446 p. Russian.
8. Kryshstanovskaya OV. Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995;1:51–65. Russian.
9. Korzhikhina TP. [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 1993;7:25–38. Russian.
10. Rabotyazhev NV. [Mechanisms of recruitment and reproduction of the political elite in post-communist Russia]. In: Mel'vil' AYU, editor. *Problemy politicheskoi transformatsii i modernizatsii Rossii* [Problems of political transformation and modernisation of Russia]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond; 2001. p. 18–47. Russian.
11. Vashchuk AS. Studying of the educational level of the Soviet nomenclature elite as an instrument of the social transformation of society analysing in the second half of the 20th century. *Historical and Social Educational Idea*. 2018;10(1):79–91. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-79-91.
12. Chayanov AV. [To the question of the theory of non-capitalist systems of economy]. In: Chayanov AV. *Krest'yanskoe khozyaistvo. Izbrannye trudy* [Peasant farm. Selected works]. Moscow: Ekonomika; 1989. p. 114–143. Russian.
13. Magaril S. [The Russian ruling class: Mechanisms of degeneration]. *Obshchaya tetrad'*. 2011;2:27–34. Russian.
14. Kravchenko VI. *Sotsiologiya* [Sociology]. Saint Petersburg: GUAP; 2001. 104 p. Russian.
15. Fenenko YuV. *Vvedenie v sotsiologiyu* [Introduction to sociology]. Moscow: Volgograd; 2003. 163 p. Russian.
16. Malinovskii BN. *Istoriya vychislitel'noi tekhniki v litsakh* [History of computer technology in persons]. Kyiv: Firma «KIT»; 1995. 384 p. Co-published by the «ПТОО «А. С. К.»». Russian.
17. Pavlov V. [Defeat. Why the Kosygin reform was choked]. *Rodina*. 1995;11:68–70. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.05.2021.
Received by editorial board 13.05.2021.